Текст · 10 октября 2019, 06:48
Алексей Федяров,

ЦПС. Глава из новой книги Алексея Федярова

В издательстве «Захаров» вышел роман руководителя юридической практики «Руси сидящей» Алексея Федярова «Сфумато» — антиутопия о недалеком будущем, которое в России трудно отличить от прошлого. «Медиазона» публикует отрывок, в котором герои сталкиваются с оперативниками ЦПС — Центра противодействия содомитам — и УПБ, Управления президентской безопасности.

Слепень летел за Давидом Марковичем от самого дома. Он пытался подлететь с разных сторон, ему надо было непременно сесть на человека и сделать какие-то свои важные слепневские дела, но атакуемый им человек жил в этой местности давно, почти девять лет, к гнусу привык и отмахивался вишневой веточкой с крупными листьями, какие бывают только летом и только здесь, экономно и точно, не отвлекаясь от размышлений.

День занимался солнечный, короткое лето — а других здесь, в кластере «Северо-Восток 2000 плюс», ждать не надо — выдалось жарким. И то хорошо, жар не якутский пар, как говаривал заведующий поселковой госпродлавки Иван Павлович. Он три года назад перережимился с «5000 плюс» и про якутский пар рассказывал, что это такой туман, который появляется, когда температура ниже 40 и от этого пара на лету замерзают птицы.

Иван Павлович, долговязый сухой мужик пятидесяти с небольшим лет, прожил под Якутском пять зим, потерял отмороженными три пальца на левой ноге и во вранье замечен не был.

Иногда, подвыпив, Иван Павлович вставал и, широко раскинув худые руки, показывал, как птица летит и вдруг — раз — и падает, околевшая от холода.

— Хрясь, Маркович, она оземь и разлетается на осколки, не соберешь.

— Ужас, — покорно соглашался Давид Маркович и начинал собираться.

Эта пантомима означала, что друг устал и скоро будет спать.

Навстречу проехал новенький трактор. Красный, с желтыми иероглифами на двери кабины. «Верный братскому союзу», — автоматически прочел Давид Маркович. Китайский давался ему тяжело, но выбора не было. Конвенция требовала.

При воспоминании о Конвенции у Давида Марковича испортилось настроение. У него был самый бесполезный в его ситуации язык — немецкий. Немецкий — это кластер «100 плюс», совсем рядом с домом. Бывшим домом.

Там лето, к которому не надо привыкать. И там не надо учить китайский. Но туда не попасть. За несколько лет до Конвенции он, тридцатилетний журналист без постоянного места, нашел работу мечты, как потом выяснилось, в сомнительном

«средстве массового радиопрограммирования». Так было указано в его приговоре.

Он готовил тексты для новостей, которые читали ведущие. Тогда он завидовал ведущим, их известности, их знали все, и это было незаслуженно, они были глупыми и вальяжными, но их приглашали на вечеринки, им наливали вино и виски. Он хотел стать ведущим и стал бы.

Но потом, когда всех ведущих отправили осваивать мерзлоту в кластер «5000 плюс», Давид Маркович завидовать перестал, хотя там даже китайский был не нужен, там по Конвенции языком братских народов был принят русский.

— Ибу ибуди — хуэйдао муди[1], — пробормотал Давид Маркович, подходя к госпродлавке.

Слепень в очередной раз увернулся от ветки в руках человека и, устав, приземлился на табличку над дверью. Давид Маркович, автоматически отслеживавший траекторию своего назойливого спутника, отвлекся от размышлений и посмотрел на место его посадки. Что-то было не так. Слепень сидел на высыхающей черной краске, которая сначала держала его за ноги, а потом, когда он, пытаясь взлететь, довел амплитуду размаха крыльев до максимальной, прихватила и за них.

Сама табличка изменилась.

«СОДОМИТАМ ВХОД» было теперь написано на ней. Слово «ВОСПРЕЩЕН», что размещалось второй строкой, кто-то совсем недавно закрасил.

О не зря погибшем слепне Давид Маркович уже не думал. Дело было плохо. Хотелось колотить в дверь тараном, бить в набат, но надо было быть осторожным, и он постучал их особым стуком, с паузами
и дробями.

Иван Павлович не спал, это было время их утреннего кофе — из зерна, пережаренного особым образом.

— Доброе утро, Давид, заходи, — поприветствовал обычного своего утреннего гостя Иван Павлович.

— Опасная ситуация, Ваня, — шепнул Давид Маркович, поднимая глаза к табличке.

Иван Павлович вышел, развернулся, посмотрел.

— Гребаный ЦПС, — выругался он.

— Думаешь, такая нелепая провокация? — спросил Давид Маркович.

— Ну а кто еще? Менты не меняются. Вчера же заходил, ты сам видел. Смотрел кругом. Я ж продлавка. Под особым надзором. Не было печали. Конец квартала, июнь, им показатели нужны.

Иван Павлович до бэкграунда был крупным полицейским начальником и знал, что говорил.

— Оперуполномоченный отдела ЦПС кластера «Северо-Восток 2000 плюс» Тарасевич, — мягко улыбаясь, скороговоркой, но разборчиво представился накануне Ивану Павловичу невысокий, рано начавший лысеть молодой человек с рассеянным взглядом.

Лавку пора было закрывать, вечерело, и Давид Маркович зашел к Ивану Павловичу, как он часто делал по дороге домой, без нужды — выпить чаю и поговорить ни о чем.

Сейчас он стоял у двери и смотрел на посетителя.

— Что за ЦПС? — очень серьезно переспросил Иван Павлович.

— Центр противодействия содомитам, — так же мягко ответил оперуполномоченный.

— Чем я могу вам помочь?

— Я, собственно, познакомиться. Объект у вас поднадзорный, государственная продуктовая лавка.

— Так нас по этой части Центр противодействия чуждым ценностям надзирает.

— ЦПЧЦ эффективно продолжает функционирование. ЦПС выделен из него ввиду особой важности данного направления деятельности, — официально и неожиданно строго ответил оперуполномоченный.

— Коллектив вверенного мне учреждения продуктовой торговли неукоснительно соблюдает руководящие указания Центрального конвенциального совета, — в тон ему ответил Иван Павлович.

Видно было, что тон этот ему знаком и привычен.

— Табличка у вас, смотрю, имеется, образцу соответствует, — похвалил Тарасевич, уходя, Ивана Павловича.

Давид Маркович смотрел на друга удивленно. Тот никуда не торопился.

— В ментовке ничего никогда не меняется, друг мой, — улыбаясь, повторил Иван Павлович, — до десяти у них совещание. Потом соберутся. Ехать им до нас 15 минут. У меня еще почти полтора часа. Иди к себе. Я за краской.

И пошел в подсобку.

Давид Маркович достал пачку сигарет, вытянул одну и закурил.

Спокойствие Ивана Павловича его восхищало. За отсутствие таблички на продлавке могли отправить на месяц в лесхозпром, корчевать пни за дорогими китайскими братьями-лесорубами. А за такую табличку — «СОДОМИТАМ ВХОД», легко сложилось бы и уголовное дело за пропаганду чуждых ценностей. А это — повышение уровня бэкграунда. И снова мерзлота.

Тарасевичу нужны были дела, он их искал и готов был шить — закрашенная ночью табличка говорила о многом. Это было плохо.

Но сегодня у него не получилось. И это было хорошо.

Иван Павлович вышел и стал аккуратно выводить на табличке слово «ВОСПРЕЩЕН».

С минуту Давид Маркович разглядывал иероглифы на упаковке сигарет, прочесть не смог, сплюнул и пошел в свою контору. Служил он редактором в местной газете «Свет Конвенции».

— «Свет Конвенции» скажи, да всю правду доложи, — шутил над ним Иван Павлович.

Контора была недалеко, скоро Давид Маркович уже сидел в своем кабинете и писал очередной очерк об успехах хлеборобов. «Несмотря на неблагоприятные условия погоды хлеборобы обеспечивают...». Слова застревали и не хотели ложиться на бумагу.

Редактор отбросил ручку. По улице проехал полицейский внедорожник.

Иван Павлович наверняка уже закончил восстанавливать табличку. Давид Маркович не переживал.

Он вышел на крыльцо, закурил и посмотрел в сторону продлавки. Полицейская машина чуть замедлила ход возле нее и проехала дальше.

— Ну какой же все-таки характер у него, — вполголоса проговорил Давид Маркович, аккуратно забросил окурок в урну и вернулся в контору.

Сел за стол. Текст не шел. Вспоминать про времена, когда текст для вальяжных ведущих «средства радиопрограммирования» летел у него в любое время суток и в любом состоянии, не хотелось. От этих воспоминаний очерки о хлеборобах переставали даваться вообще. Гнать их надо, эти воспоминания, это Давид Маркович решил для себя давно.

Но работать все равно не хотелось. Было душно.

Хотелось к Ивану, в подсобку, холодного пива и вытянуть ноги на топчане.

Редактор «Света Конвенции» встал и подошел к окну. Постоял и собрался уже садиться за текст, работу надо было завершить.

К крыльцу подъехали две длинных черных машины. Давид Маркович замер и машинально заложил руки за спину: это были машины, на которых ездили те самые люди, что отправили его сюда, за 2000 плюс километров от Москвы. И они приехали снова.

Люди вышли. Немного людей, все в костюмах, но считать их сил не было. Зашли в контору.

— Фельдман? Давид Маркович? Не нервничайте, мы к вам, — негромко сказал ему коренастый мужчина, явно привыкший командовать.

— А я очень нервничал, что вы вдруг не ко мне, — неожиданно ответил Давид Маркович, поправляя очки, сползавшие на вспотевшем носу.

— Шутите, это хорошо, — улыбнулся мужчина и представился: — оперуполномоченный отдела по защите конвенционального строя Управления президентской безопасности кластера «Северо-Восток 2000 плюс». Мы проведем у вас обыск. А потом проедем к нам. С вами.

УПБ. Чекисты нашли новое лицо своей службе, дракон бессмертен, подумал Давид Маркович, набрал воздуха, задержал его в легких и, непроизвольно напрягая дрожащие пальцы, спросил:

— А по какому поводу?

— Мы пока начнем, а вы подумайте, — добродушно ответил оперуполномоченный, — пока присядьте, вон там, у окошка. Вы же опытный и умный человек. Глупостей же не будет?

— Не будет, — ответил Давид Маркович, неровно прошел по комнате и сел на стул для посетителей, тихо заскрипевший под ним. На его кресле, за его столом уже по-хозяйски расположился оперуполномоченный.

1. Шаг за шагом можно достигнуть цели (кит.).